АННА ЗИМА
МАЛЕНЬКИЙ ОРК

Анна Зима

Тёмный эльф и маленький орк

https://litres.ru/74053641
SelfPub; 2026

Аннотация

Я -- лесной орк маленького роста, и меня продал в рабство мой друг волшебник. Но он идёт меня спасти. Мой хозяин теперь тёмный эльф, а светлый эльф хочет стать героем и спасти меня из рабства.

Слоубёрн, медленное сближение, серая мораль, приключения, враги или любовники, рабство или свобода, любовный треугольник, мрачная атмосфера, взросление

Содержание

Пролог и Глава 1 4
Глава 1. Хозяин 9
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Анна Зима
Тёмный эльф и маленький орк

Пролог и Глава 1

Хозяин смотрел сверху вниз. Чаузи не поднимала глаз — боялась встретиться взглядом. Её орочьи уши горели. Брови предательски поползли вверх. На зелёной коже румянец не скрыть — тёмный эльф точно всё видел. Девушка ощущала, что он не отворачивается. Краем зрения она видела его подбородок — острый, повёрнутый в её сторону. Они были так близко друг к другу, что чувствовалось, как по коже бежал тёплый воздух из его вороньего носа. А дыхание пахло кислыми тёмными забродившими ягодами.

Они были одни. Солнце за окном бросало оранжевые пятна на деревянную кровать из тёмного дерева и его волосы. Такие чёрные, длинные падали ему на серо-голубое лицо с яркими оранжевыми глазами. Осторожно. Чаузи торопливо отвела взгляд. Ей тяжело справиться с собой и она не выдержит.

Тёмный эльф в кресле — худой, неестественно высокий для низкой таверны. Голый торс перепачкан кровью, в руке

— бутылка вина. Не выпуская её, он коснулся своей челюсти осторожно, словно примеряясь к боли. В движениях читалась высокомерная грация. Она не встречала таких красивых людей никогда. Плавная линия подбородка уходила в уши. А те бледно-голубые, чуть прозрачные и длиннее орочьих не поднимались высоко, но добавляли загадочности. Они заставляли думать о том на что способен их владелец, и какие древние секреты ему известны. Губы, тёмные, словно после черники не произносили слов, но розовая слизистая кожа проскальзывала, и сообщала, что они на самом деле не черного цвета. Чаузи испытала знакомое ощущение, когда ей нравился кто-то, но она чувствовала себя недостойной, не имевшей права заинтересоваться. Красивые мужчины всегда знали, что достойны такой же красивой девушки. Но самой удивительно, что орчиха волнуется и допускает мысли о том, что её могут захотеть.

Надежда на нежное прикосновение болела. Маленькой точкой в большой застенчивой, строгой к себе душе. Щёки и уши ещё больше розовели, а частый стук сердца заставлял орчиху замечать эту болезненную сладость внутри. Мысли предостерегали её не только от эльфа, но и от собственных глупых надежд. Выглядеть глупо хуже всего на свете. Но как же он был прекрасен. Широкая спина, склонённая над ней. Молчаливая загадка. Дерзкая высокомерная развязность. Чёрные волосы, падающие на глаза. Спокойный взгляд. Этого почти можно было желать.

Послышался тихий глоток. Пауза — и лёгкое недовольство, которое она скорее почувствовала, чем увидела. Вино, должно быть, кислое. И после этого она вновь ощутила, что он *смотрит*. Чаузи не осмелилась взглянуть выше его подбородка. Она лишь продолжала работать.

Из его раны ещё шла кровь, но края высохли — и Чаузи слегка прижимала мокрую холодную тряпку, стараясь не делать больно. И не тереть — не тревожить. Кровавые пятна на серой коже намокали, от того становились липкими и усиливали запах железа.

Чаузи выжимала тряпку. По её запястью бежали прозрачные розовые капли. Его кровь теплее чем вода в ведре. Ткань закручивалась, и розовая жидкость лилась вниз — расплывалась дымкой, словно краска. Колени затекали и ныли от твёрдой поверхности деревянного пола. На них она стояла почти вплотную, и оттого было лишь труднее не думать о взгляде сверху.

Сквозняк дул, и кожа становилась гусиной. Движение в воздухе гнало неприятное ощущение. Запах таверны — навязчивый и отталкивающий. Как же она раньше не ценила чистоту хвойного воздуха? Дома, в лесу, пусть даже одежда всегда была напрочь пропахшей костром, от почвы тянуло сыростью и гнилью, а племенные кабаны — особенно секачи — воняли мускусом, землёй и мочой, но там был *воздух*.

Там на родине Чаузи нравился аромат сена от свежего тёплого молока с паром, творожистого сыра, жареного мяса пе-

репелов, с пузырившимся горячим жирком на коричневой коже. Еще смолистой древесины из хвойной коры. Она стреляла искрами, давая янтарные отблески на каплях жидкой смолы, когда горела в лучине. Их жгли для света перед сном, и это наполняло комнату густым хвойным запахом. Свежим, Целебным. Дым выходил из отверстия в шатре, и оставлял собравшихся дышать этим спокойным исцеляющим нос духом.

Приятно пахли и заваренные в котле травы мяты, липы, ромашки. Иногда с цветочным мёдом. Чаузи пила завар на ночь и хорошо спала. Маленькой она прижималась к маме. Хвойный запах сменялся на запах её волос. Густых и чёрных. У местных людей таких нет.

Она снова и снова перебирала эти родные запахи, стараясь удержать каждый, лишь бы отвлечься от местного смрада.

Чаузи впервые в портовом городе. В таверне пахло рыбой — тяжело, застарелым духом. От матросов несло несвежим потом и перегаром, от грузчиков разило табаком. К этому примешивались чеснок и лук. Где-то рядом варили пиво — она слышала об этом запахе, но никогда не чувствовала его прежде. Тёплый, хлебный, почти уютный — но слабый, едва пробивавшийся сквозь всё остальное. Хотя бы в этом тонком аромате нашлось утешение для чувствительного носа Чаузи — носа лесного орка.

Она старалась не смотреть на его руки — длинные пальцы были красивы даже в крови. Казалось, вот ещё мгновение и

они сомкнуться на её шее.

Она замечала, что он не отводит взгляда. Не от её рук — от чего-то другого. От пауз между вдохами, быть может. От того, как она замирает перед каждым прикосновением. Чаузи пыталась не делать этого — но всё равно замирала.

Его взгляд она чувствовала на коже — бесцеремонный, как у того, кто *имеет право*. Спрятаться было некуда. Закрыться — тоже. Чаузи останавливала мысли о том, что может быть у него на уме.

Тряпка коснулась глубокой раны. Эльф резко вдохнул сквозь зубы. Чаузи вскинула на него испуганный взгляд. Он щурился от боли — длинные чёрные ресницы едва оставляли просвет оранжевым глазам, — но в уголке рта уже проступала тень довольной улыбки.

Глава 1. Хозяин

Полдень. Солнце припекало. От каменной брусчатки шло тепло. Городская площадь пропахла солью и гнилой рыбой — густой мерзкий запах смешивался с вонью немытой толпы. Люди толкались, ругались, торговались, сливаясь в серо-бурую галдящую массу.

Чаузи стояла за железными кривыми прутьями клетки. Горячими от солнца. Одна зелёная орчиха среди розовокожих девушек, с которыми её заперли.

Те жались друг к другу в лохмотьях из грубой мешковины. Босые. Чаузи одета в тоже самое. Куда делась её собственная одежда? Она очнулась здесь, уже одетая во всё это.

Доски помоста потемнели от грязи — тёплые, занозистые. Пачкали ступни серой пылью. На запястьях у рабынь — тяжёлые наручники, оставляющие рыжие пятна ржавчины. Но они хотя бы были похожи друг на друга. Чаузи они опасливо сторонились.

Толпа глазела на неё с брезгливым любопытством. Её разглядывали, тыкали пальцами, перешёптывались. Кто-то одобрительно кивнул — работящая, наверное. Кто-то поморщился.

— Да она же ребёнок, — бросил матрос из первого ряда. — Даже бабы у орков огромные и сильные. А эта? Малявка совсем, ещё и стрижена под мальчика. Видать свои и прода-

ли.

— Зато когти настоящие, — хмыкнул кто-то сзади. — И клыки есть.

— Да что с тех клыков — молочные небось.

Чаузи забилась в угол клетки. Жгучие твёрдые прутья надавили на спину. Слова матроса её не задевали — привыкла. Для орков низкий рост не был нормой. Её сестра Тайгра выросла огромной, под два с половиной метра, и любой орк с первого взгляда признал бы в ней воина. А Чаузи в двадцать один год выглядела на пятнадцать и слышала напоминания об этом всю жизнь.

Но сейчас не до того. Страшно до ужаса — и нужно взять себя в руки. Она старалась не плакать, чтобы не показать слабость и не провалиться в отчаяние. В углу клетки она не смогла уйти от взглядов, не обрела безопасность, но всё же решилась приступить к своему маленькому ритуалу призыва.

Чаузи подняла голову. Над площадью кружили чайки — серые, портовые, горластые. Она смотрела на них, ища белую. Хоть одну. В племени говорили: белый зверь — не зверь, белая птица — не птица. Это с их помощью говорят «те-кого-не-видно».

Белой не было.

Чаузи всё равно зашептала — тихо, почти беззвучно, на языке племени:

— *Птица белая, донеси мою весть. Духи предков Зар'Ша*

— я здесь. Я, Чаузи. Помогите мне бежать.

— Эй, зелёная дикарка! — ткнув её древком копья в плечо, рявкнул охранник. — Заткнись. Покупателей не пугай.

Чаузи умолкла, но губы продолжали шевелиться, едва размыкаясь. Тайгра бы не замолчала. Тайгра бы закрыла глаза прямо здесь, среди этого шума и вони, и Великие Духи бы услышали — потому что она никогда не боялась там, где прочие отступали. Но Чаузи не Тайгра – она боялась. И ответа не было.

Аукционист, тёмный эльф в широкой шляпе, выкрикивал цены. Клетку открывали, девушек вытаскивали одну за другой. Их жалобные всхлипы тонули в гуле толпы и ударах колокола.

Из толпы вышел лысый мужчина. Он не разглядывал её как товар, а искал взглядом, будто знал заранее. Голубые глаза, почти прозрачные ощущались слишком странными для такого загорелого лица. Чаузи не поняла, почему это зацепило.

— Эту. Сколько? Сотня?

К нему присоединился матрос, прежде назвавший её ребёнком.

— Да она работать не сможет, — бросил он, оглядывая Чаузи с ног до головы. — Забава — и то на раз.

Аукционист:

— Да, сотня.

Моряк:

— Сдурел, так дорого! Она ж худая, ни сисек, ни жопы.

Они начали торговаться, обсуждая её как кусок мяса на прилавке. Лысый, подмигивая аукционисту:

— Беру. Извольте, мореход. Мне нужна именно такая. Я разбираюсь в том, что мне нужно.

Лысый суетился, озирался по сторонам. Подозрительно. Что за жуткие мерзкие идеи у него могли быть на её счёт? Глаза бегают. Нервничал, и как-то слишком вежливо говорил с простым матросом. А тот и не считался.

Матрос:

— Так разуй глаза, Лысый. Лесная — заморашка. Я бы не тратил столько медяков на одну эту.

Моряк повернулся к аукционисту и перебил ставку:

— За 170 возьму замарашку и сиськастую слева.

Аукционист махнул рукой отрицательно и заспорил:

— Погоди-погоди. Ты цену зря сбиваешь! Орки у нас не часто в продаже, вообще-то! Розовых сиськастых девок я вам сколько угодно наберу. А эта — погляди. Зверёныш! Кожа зелёная да светлая, как молодое яблочко. Волос хоть и короткий, а толстый. Почти лошадиный. Брови то, а? Густющие. Руки ноги хоть худые, но наверняка ловкие. Не из нежных барышень. А когти то, а? Может и ростом подрастёт ещё. Управишься ли?

Лысый прокашлялся и словно напомнил:

—Пишеор.

Аукционист кивнул, словно что-то вспомнил и сказал:

— Забыл совсем, что она обещана.

Моряк раздосадованно хлопнул себя по бедру и с интонацией сказал:

— Ай ты! Обманщик. Зря только показал. Ну хоть на ночку дай занять такую диковинку. За монетки.

Чаузи замерла, ожидая приговора. Её пальцы сжались. Сила орков просыпалась. Чаузи чувствовала её сейчас — в кулаках, в напряжённых плечах, в жаре под кожей. В этом маленьком теле, которого никто не боялся, думая что угрозы в ней нет. Но она была.

«*Духи, дайте мне шанс*, — прошептала она про себя. – *Только один шанс. И я сделаю всё сама*».

И вдруг появился третий — без звука, без усилий.

Он не выкрикивал цену. Не толкался. Он просто явился из ниоткуда, скользнув сквозь расступившуюся толпу. Чёрный шелковый плащ с фиолетовым тоном казался лёгким и почти летел хозяином. Он застёгнут на изысканную застёжку-фибулу. Она выражала собой серебрянкю луну, пронзённую иглой.

Капюёщен почти скрывал тенью голубовато-серое лицо. У незнакомца удивительно ярко светились оранжевые глаза, почти того же цвета, что на тёмной шерсти лесного *хатзога*. Грациозного хищника. Чаузи как-то давно шла за подстреленным оленем до самых сумерек и встретила огромного чёрного кота. Тот подобрался так близко и без погони атаковала ослабшую олениху. Глаза у него — полумесяцы с чер-

ной точкой тоже светились. Шерсть блеском переливалась, как плащ этого, вероятно, человека.

Он даже не взглянул на торгующихся — просто извлёк мешок и подал аукционисту, чуть приподняв острый подбородок, словно позволяя себе поклониться. Аукционист, кланяясь, торопливо принял деньги.

— Стой! — выкрикнул лысый мужчина, багровея. — Я дам больше!

Эльф даже не повернул головы. Лишь чуть повёл подбородком в сторону аукциониста. Тот испуганно покачал головой, отказывая первому покупателю. Мужчина закричал, переходя на визг, но тёмный эльф раздражённо обернулся. Одним быстрым движением он вонзил в плечо крикуна тонкую иглу.

Крик захлебнулся. Мужчина обмяк. Вены на шее и лбу потемнели, губы стали фиолетовыми, как у мертвеца. Стража, стоявшая неподалёку, как по команде отвернулась. Охрана аукциониста молча утащила тело.

Охранник вытащил Чаузи из клетки, словно куклу. С неё сняли оковы — и на мгновение она почувствовала, как возвращается внутренняя сила. Тёплая, живая, долгожданная. Но в следующий же миг купивший её эльф лично защёлкнул на её запястьях новые кандалы — изящные, лёгкие, почти невесомые на вид. Такие же серебряные как луна на его плаще. И, стоило замку клацнуть, Чаузи тут же ощутила, как между ней и этим высоким мужчиной натянулась магиче-

ская цепь. Невидимая, но пугающе реальная. Тяжесть звеньев фантомно давила на руки — сковывала волю, заставляла тело повиноваться каждому его движению. Она не знала, как устроена эльфийская магия, но думала, что в металле заключён дух, скованный чужой волей и запертый в форму браслетов. — *Зар'ша ток — дар шаг'рум*, — беззвучно произнесла она. Духи — дела шаманов. Не её.

Она подняла взгляд. Янтарные глаза смотрели на неё прямо — не как у хатзога, а как у чёрного варана. В лесу такой варан смотрел на неё у реки и даже не встал с тёплого камня. Чаузи тогда почувствовала, что он позволяет ей быть здесь. Так смотрел и этот. Он оценил её ещё раз с близкого расстояния. Взгляд скользнул по коротким волосам. Чаузи же заметила, что его волосы длиннее её собственных. Тоже чёрные, но очень маслянисто блестящие, как вороьни крылья. А в ткань капюшона упирались длинные голубые уши. Перед ней был тёмный эльф. Он спросил:

— Почему волосы короткие?

Чаузи подняла подбородок.

— Удобнее. Не схватят за волосы, если ударю в ответ.

Тёмный помолчал. Губы дёрнулись вверх — словно говоря «хм, неплохо». Он задал ещё вопрос:

— Имя?

— Чаузи.

— Отвратительно. Как у собаки. Я дам новое.

Чаузи пробормотала себе под нос на орочьем:

— *А твоё небось звучит как пердёж кабана.*

— Что ты сказала?

— Что моё имя означает «Полезная».

— Хватит болтать на своём. Впредь чтобы только на людском… пока не выучишь эльфийский.

На мгновение ей показалось, что он почувствовал ту самую силу, которая всколыхнулась в ней, когда сняли старые наручники. Он ничего не сказал, но не отвёл глаз. Чаузи не знала о чём он думает. Наручники давили — тянули голову вниз. Она держалась. Давление нарастало. Словно скала на макушке. В какой-то момент стало невыносимо.

Эльф, наблюдая за этим, снисходительно сказал:

— Не забывай дышать.

Чаузи в самом деле задерживала дыхание от напряжения и уже дрожала. Мышцы плеч и шеи начало сводить. Не было толку больше держаться. Чаузи опустила голову, выдохнула и быстро задышала. Эльф в ту же секунду отвернулся. Давление прошло. Как же хорошо без этого!

— Иди, — бросил он низким голосом.

Они пошли сквозь толпу. Тех, кто не успевал посторониться, он просто отталкивал — и никто не смел возразить. На его спине болтался хвост у капющёна — липрип. Его наконечник украшала серебраянная звезда со злым лицом. Чаузи не нравилось, как она смотрит. Звезда строго следила за порядком за спиной хозяина.

Внезапно с главной улицы послышался шум. Не от толпы,

другой — мерный, чеканный, как марш войска.

Чаузи подняла голову.

По мостовой шли светлые эльфы.

Они словно появились из другого мира. Белые флаги, серебряные доспехи, сияющие на солнце так, что больно смотреть. Ни пятнышка грязи на плащах, ни пылинки на сапогах. Они двигались ровным строем, гордо подняв головы, и на их фоне грязная, вонючая площадь казалась ещё темнее, ещё безнадёжнее.

Освободители — так зашептали рабы. Но сейчас колонна шла медленно и слегка торжественно — не спеша, не суетясь. Звуки горнов распугивали толпу. Светлокожие эльфы первых рядов хватали работорговцев и демонстративно пленяли их. Бесполезная охрана порта не вмешивалась, светлые снимали наручники с рабов — и те благодарно кланялись, падали на колени и рыдали. Эльфы собирали лавры, благословляя освобождённых на своём языке. Кто-то бежал, кто-то же, вдохновленный деяниями, шёл теперь следом за эльфами.

Аукционист выругался на тёмно-эльфийском, поспешил бросить своё место и жестом отдал команду. Охрана забрала оставшихся девушек.

Чаузи смотрела на шествие и думала: «*Ну же. Ну. Быстрее*».

В центре шествия был молодой светлый эльф в серебряной кольчуге. За ушами белели перья, собранные в красивый

головной убор — он походил на корону из крыльев большой птицы. Светлые волосы забраны в аккуратную косу, спадающую на спину. Эльф держался уверенно, но без той надменной жёсткости, что у хозяина. В его осанке ощущалась дисциплина, а не желание унизить.

Рядом с ним шёл другой воин. Тот что-то сказал на своём языке — певучем, текучем, как ручей.

— *Аран'эл и'ша?*

Эльф с перьями ответил, не поворачивая головы:

— *Нама'ар. Ту и'норэ.*

Чаузи не поняла ни слова, но звучало красиво.

Хозяин брезгливо фыркнул и хотел свернуть в переулок, но Чаузи замедлилась. Это был шанс. Она повернула голову, вглядываясь в толпу светлых эльфов. Искала глазами того, кто мог бы её заметить.

И нашла. Того, с перьями.

Она поймала его взгляд. Не знала, как просить о помощи без слов. Цепь подавляла попытку закричать. А потому просто посмотрела — умоляюще.

Эльф заметил.

Его шаг замедлился. На мгновение его зелёные глаза встретились с её — и он прочитал в её лице просьбу о помощи. Она заставила его руку опуститься на рукоять меча.

Он кивнул кому-то из своих в сторону Чаузи.

И свернул в их сторону.

Хозяин тоже это заметил и резко дёрнул цепь. Её магия

вынудила рабыню протащиться вперёд. Чаузи едва не упала, чувствуя, как металл впивается в кожу. Сила внутри неё снова всколыхнулась — она рванулась назад, сопротивляясь господину, вкладывая в протест всё, что у неё было. Кровь ударила в уши, тело затвердело, готовым вырваться из оков.

Но наручники стали лишь тяжелее и горячее. Магия тёмного эльфа старше. Орочья сила захлебнулась, не успев зародиться.

Но в этот момент неожиданно чья-то рука перехватила цепь оков, словно та была из настоящей стали. Светлый эльф быстро и внезапно оказался рядом. Так несвойственно медлительному шествию его братьев.

— Какая удача, — раздался чистый голос. — Сам Паук, — эльфийская рука не отпускала невидимые звенья и сжимала всё крепче. — Отпусти девушку.

Чаузи теперь знала имя своего хозяина. Паук. Довольно простое имя. Ничем не выразительнее имени Чаузи. И чего придрался к её имени?

Когда Паук обернулся на слова, светлый поднял голову и расправил плечи.

Паук усмехнулся — без тепла, с заметным удовольствием.

— Она моя. Я заплатил.

— Отпусти её, иначе тебя ждёт казнь, *Вэль'ши*. Смерть Паука даст понять всем *Нара'им,* что освободители пришли к самой границе и очистили земли от рабовладельцев.

Паук резко дёрнул цепь на себя, но светлый устоял.

— Я не торгуюсь с теми, кто суёт нос не в свои дела, — бросил Паук. — Тем более с праведниками в перьях. Вы уйдёте — и всё вернётся на свои места.

Светлый эльф не дрогнул.

— *Аран'эл и'ша*, — крикнул он братьям в шествии. Те обнажили мечи. И тогда эльф обратился к Пауку, выхватывая клинок: — Тогда у тебя нет выбора.

Из-за спины Паука с хрустом вырвались длинные, изломанные паучьи лапы. Толпа в ужасе бросилась врассыпную. Чаузи сделала шаг назад и широко раскрыла глаза.

Светлый эльф атаковал первым — от быстрого и точного удара Паук едва успел уклониться. Сталь зазвенела о сталь. Паук ответил жёстко, используя и клинок, и свои жуткие отростки. Одна из лап метнулась вперёд, целясь светлому в голову — тот нырнул под неё, рубанул снизу, но лапа оказалась быстрее.

Удар!

Светлый эльф не отступил. Он атаковал резким, точным движением. Паук уклонился без усилий и ответил сразу — две лапы метнулись одновременно с разных сторон. Светлый нырнул под одну, но вторая его достала — ударила плашмя в плечо. Его отбросило на шаг.

Паук не был похож в бою на обычного человека — он сражался без лишних движений, без суеты. Холодно, словно не дрался, а методично работал. Он не встречал удары — уходил чуть раньше, чем нужно, оказывался там, где его не жда-

ли. Светлый бил — Паук уже был сбоку. Светлый не успевал развернуться — Паук уже за спиной. Лапы не атаковали в лоб — они появлялись снизу, из-под локтя, из слепого угла, шурша лохматой матовой оболочкой. Один финт — хруст, металл о хитин — и светлый открылся. Паук не упустил. Глухой и тяжёлый удар пришёл именно туда, где противник не успел закрыться.

Но светлый держался. Он двигался иначе — легко, почти без усилий, ведь доспех на нём ничего не весил. Он уходил широким шагом, клинок описывал дуги — выверенные, с разворота. Каждый выпад отточен. Подошвы едва касались брусчатки — эльф отскакивал, менял угол и снова бросался вперёд, догонял Паука. Но Паука там уже не было.

Чаузи дёрнулась было помочь, но за такой скоростью ей просто не успеть. Если она влезет прямо под их клинки — неумело. Она попробовала натянуть цепь, чтобы Пауку стало неудобно драться. И в этот раз наручники стали строже. Они надавили на неё так, что она тут же рухнула на колено. Второй раз с ними не совладать — только зря устанет. Но она подняла голову, чтобы всё видеть.

Преимущество за Пауком — и не только в хитрости. Лапы словно жили отдельно от него — каждая двигалась сама. Благодаря лишним суставам там, где их не должно было быть, лапы изгибались под углами, которые не укладывались в голове. Невозможно просчитать удар, если не знаешь, откуда он придёт. Светлый отбивал один — второй уже захо-

дил сзади. Отступал от второго — третий был снизу.

Чаузи смотрела и не понимала, как он вообще успевает контролировать столько конечностей сразу. Она не знала подходящих слов, но если бы знала, то сказала бы, что видит два мировоззрения — светлый дрался красиво и легко, Паук же дрался хитро и безнравственно.

Светлый, наконец, нашёл удар, который не был просчитан Пауком. Рубанул по сочленению лапы — резко, со всей силы. Чёрная плоть упала на камни, зашипела и начала таять.

Вены на лбу и висках Паука проявились. Ни крика, ни хотя бы стона. Только напряжение в скулах. Он посмотрел на обрубок — и снова поднял взгляд.

Светлый улыбнулся и поднял голову горделиво. Атаковал снова. Паук снова уходил от удара, но в этот раз он сделал иначе. Две лапы оттолкнули его от земли, и он пронёсся над головой светлого. Чаузи не сразу поняла что произошло, лишь заметила мерцание клинка и свист. Теперь у светлого не было уха. Красная кровь закрасила ему шею. Он сжал зубы и тоже не закричал. На землю без звука упал розовый кровавый лепесток.

Чаузи удивилась, почему Паук не отсёк ему голову?

Подбежали двое. Потом ещё один.

Теперь противников стало четверо — и это изменило всё.

Паук успел уйти от первого, отбил второго лапой — но третий зашёл сбоку. Удар в челюсть пришёлся неожиданно, снизу, с разворота. Паук не уклонился, рухнул на колено.

Из обрубка отсечённой лапы потекла густая оранжевая жидкость. Такого же цвета, что и глаза Паука.

Чаузи по привычке ждала стона, но его снова не было.

Они двигались вокруг него как *гарры*, налетали со всех сторон — едва взглянешь на одного — уже бьёт другой. Паук бил лапой вправо — слева уже летел клинок. Разворачивался — сзади уже был удар. Лапы не успевали за всеми сразу. Паук перестал атаковать. Просто держал удары — одну сторону, другую, снова первую. Отступал. Медленно.

Светлые не торопились. Порхали вокруг него легко, почти насмешливо. Они знали, что время на их стороне.

Его оставшиеся лапы сомкнулись, образуя плотный шипастый кокон. Удары мечей отскакивали от брони. Кажется, что хитин, выставленный под атаку, не пробиваем.

— *Ту и'норэ*! — крикнул светлый. — Спасите девушку!

Паук резко дёрнул цепь. Поднялась какая-то неестественная магическая сила и волной подняла цепь. Чаузи влетела в кокон — запястья обожгло, будто металл раскалился. Орчанку поглотило без сопротивления. Тёмный эльф разбил об землю склянку — жёлтый едкий дым скрыл их от глаз.

Лапа обвила её талию, прижимая к хозяину. Не больно. *Страшно*.

Последнее, что она увидела — искажённое болью, но молчаливое лицо Паука.

Когда дым рассеялся, светлый эльф, хромая, вышел вперёд. Он смотрел, сжимая рукоять меча, туда, где секунду на-

зад был враг.

***

Светлому с косой и кольчуге, наконец, зажгло рану — а после пришла и боль. На площади лежало его отрубленное ухо. Он зажал висок, сдерживая кровь. Лежавшая неподалёку паучья лапа плавилась в собственной жиже. Раненый эльф ткнул в мёртвый отросток мечом. Металл вошёл как в масло. Один из воинов подошёл к нему.

— Его здесь прикроют местные. Лапа отрастёт… но твоё ухо. Прости *каэл ра*. Это наша вина. Мы не были так быстры как ты.

— *Аран'эл и'ша*, я сам вышел из шествия, друг, — тихо сказал светлый в кольчуге со злостью. — Но клянусь! Никто не скажет: Зэйн, которому отрубил ухо Паук. Все будут говорить: Зэйн отрубил *все* лапы Пауку.

Он снова ткнул мечом в истаявшую лапу. И ещё раз.

— Да, — ответил ему воин. — Но здесь ещё есть рабы. Мы не можем спасти всех, но попытаемся. Стража попряталась, город молчит. Но свет Аэрн дошёл до самых границ. Там, за морем, уже слышат — рабству приходит конец. *Калэ ар Алкар!*

Перед глазами раненого эльфа мелькнул умоляющий взгляд орчанки. Он не смог спасти её. Жаль. Очень жаль.

***

В тени за углом к телу убитого богача с аукциона подтянулись бедняки. Кожа лысого побелела, вены почернели. Один

из дворовых крыс потыкал палкой — труп не отозвался. Тогда они ринулись к карманам, кошельку, сумке.

Тело вдруг стало таять и уменьшаться. Мародёры бросились врассыпную, побросав наворованное.

Труп не ожил — он менялся. Теперь на земле лежал мёртвый юноша с неестественно правильными, красивыми чертами лица, стеклянными голубыми глазами. Белые волосы чуть белее кожи. Затем тело охватил огонь — и руки подняли его из пламени. Вместе они исчезли.

Один из мародёров, что обернулся на бегу, увидев это даже помолился. И, запыхаясь, закричал:

— Демон! Я видел демона. Это демон! Бегите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.